

НЕДОПУСТИМОСТЬ ВОЗМОЖНОГО: ОБ ОТНОШЕНИИ МЕЖДУ НАУЧНЫМ ИССЛЕДОВАНИЕМ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ РЕШЕНИЕМ¹

Мирко Вишке*

Summary

The sciences are not in a position to answer the question as to whether the knowledge attained in them is worth knowing. Scientific research constantly expands its areas and tasks without ever asking a question about whether its research is truly valuable. The sciences direct their attention indiscriminately to whatever is at all knowable. Everything is equally worth exploring. The thesis that only philosophy saves the sciences from getting lost in what is not worth knowing raises several questions. What enables philosophy to play such a role? Can philosophy tell the sciences what is worth knowing and what is not?

Keywords: scientific research, democratic decisions, possibilities of sciences, worth of knowledge.

Следует ли причислить к неминуемому злу то обстоятельство, что научные открытия, вопреки ожиданиям людей, иногда причиняют вред?² Каким образом достигаются прикладные цели научных инноваций в эпоху глобализации? Оба вопроса очерчивают тему моих размышлений. Проблемы, которые, на мой взгляд, заключаются в этих вопросах, в дальнейшем будут разъяснены следующим образом: (I) прежде всего, необходимо поразмыслить над тем, в каких идейно-исторических контекстах обсуждался вопрос о возможностях применения научных открытий; (II) затем необходимо разъяснить, почему в эпоху глобализации этот вопрос обладает теоретической актуальностью и политической важностью; (III) в заключение следует обосновать тезис о том, что с возможностью подводить самоопределения других людей под естественнонаучные описания и обуславливать эти самоопределения в их естественном бытии посредством определённых технологий связана та недопустимость возможного, о которой говорится в названии моего доклада.

* Мирко Вишке (Mirko Wischke) – доктор философии, приват-доцент в Университете Мартина Лютера (Халле-Витенберг); mwischke@t-online.de

I.

То, что Руссо говорит в своём сочинении о вкладе искусств и наук в прогресс человечества, представляет собой скорее трезвый анализ последствий применения науки, нежели резкую критику последней. В своём анализе Руссо заключает: ошибочно полагать, что научное познание и навык целесообразного и самостоятельного обхождения с научными результатами необходимо предполагают друг друга.³ Полагая, что резкость суждения Руссо о науках необходимо смягчить, Гердер упускает из виду, что Руссо в своём наблюдении критикует амбивалентную полезность наук, проводя различие между наукой и её применением в практике человеческой жизни. Это различие проводит и Гердер; он делает акцент на научном прогрессе, но при этом обращает внимание на то, что на вопрос, чем именно науки поспособствовали человеческому счастью, нельзя ответить ни положительно, ни отрицательно. Этот вопрос уводит нас в другую сферу: в сферу «использования изобретённого»⁴. На использование исследованного наука никак не влияет; вменить ей вину за нанесение ущерба человечеству способен лишь тот, кто игнорирует необходимость различия между практическим применением познанного и стремящейся к познанию наукой. Поиск разумной цели для использования научных результатов *в принципе* не является задачей самой науки. Решение о том, каким образом абстрактное теоретическое знание должно реализоваться в практических навыках, не выносится самой наукой. Подлинной проблемой науки является она сама, то есть её внутренние научные проблемы, предметные области и вопросы. В сфере того, что может быть исследовано, нет ничего, что могло бы долго скрываться от науки.

Оборотную сторону такого развития Ницше усматривает в том, что безмерное, неустанное накопление знаний делает науку слепой по отношению к ценности её результатов: наука – рассуждает Ницше – постоянно стремится к накоплению знания, не задаваясь вопросом о познавательной ценности своих результатов.⁵ Внимание науки направлено на всё то, что вообще может быть познано. Какова польза от этого неугомонного стремления к знаниям, что достойно изучения ввиду проблем, диктуемых самой жизнью, и есть ли вообще для *жизни* какая-либо польза от научных познаний – всё это вопросы, от которых воздерживается современная наука. Ницше критически смотрел на увеличивающуюся пропасть между научным исследованием и реализацией его результатов на практике. В неизбежности существования такой пропасти было глубоко убеждено не только современное ему научное самосознание.

О том, сколь глубоко осознание чёткого разграничения между научным исследованием и реализацией его результатов на практике оставалось укоренённым в самосознании учёных на протяжении столетий, можно узнать из доклада Гельмгольца «О цели и прогрессе естествознания», который был прочитан в 1869 году. Гельмгольд даёт точное выражение распространённому в его время видению этой

проблемы, когда заявляет: «Тот, кто при изучении наук стремится к прямой практической выгоде, может не сомневаться в напрасности своих усилий»⁶. Науки, бесспорно, изменили «всю жизнь современного человечества вследствие практического применения их результатов». Поскольку же первоначально научное знание добывалось без всякой оглядки на возможную пользу, оно находит своё применение, как правило, только «при случае», чаще всего там, «где этого меньше всего ожидали».⁷

В эпохальном труде *Принцип ответственности* (1979) Йонас не просто придерживается этой оценки. По сути, это всё тот же аргумент Гердера, к которому прибегает Йонас, чтобы нормативно оправдать желательность потенциально бесконечного прогресса в естествознании (и технике).⁸ Что касается результатов, то, по Йонасу, приходится констатировать их неустранимую амбивалентность. Бесспорно, что одни результаты наук «укрепляют моральные устои, другие же их ослабляют, или же вместе они делают и то, и другое»⁹. Всё это попросту не поддаётся калькуляции. То обстоятельство, что результаты научных исследований находят практическое применение в соответствии с технической годностью, не является для Йонаса вопросом, требующим более глубокого теоретического анализа. Слишком глубоко укоренилось убеждение в том, что результаты научных изобретений не следует оценивать с точки зрения прогресса человеческого рода.

В своё время Гердер сделал одно наблюдение, согласно которому использование научных инноваций, а не сами научные изобретения, выносит решение о величине вклада в человеческое благополучие. Это наблюдение свидетельствует о том, что вопрос о практических целях науки отнюдь не является той проблемой, которая возникла лишь с появлением современного математического и технического естествознания, как это представил в своих размышлениях Йонас. Этого не замечает и Фрейер, выдвигающий тезис о необходимости поиска осмысленных и эффективных целей для результатов современных научных исследований задним числом, в то время как прежде эти цели заранее ставились перед наукой. В конце концов, это всего лишь повторение констатации Гельмгольца: научные изобретения используются чаще всего там, где этого не ожидали, — когда Фрейер приходит к выводу, что для технических возможностей имманентного развития исследования характерно обладание способностью включать в себя, соотв. поддерживать, как правило, несколько непредвиденных экономических эффектов.¹⁰ Весьма важен тезис Фрейера о том, что инверсия соотношения исследования и цели отнюдь не является неизбежной, ибо она выявляет научно-политическое измерение поиска практических целей, которого не замечает Гельмгольц. Благодаря процессу научного исследования, который послушен имманентным законам, во всё новых попытках возрастает абстрактное знание, которое только задним числом может быть использовано для конкретных целей. То, какие институции будут принимать ключевые решения, касающиеся практических целей, для Фрейера остаётся вопросом, на который со-

временное индустриальное общество отвечает с позиции чисто технической рациональности.

Его ученик Шельски радикализирует этот вывод в тезисе о том, что научно-технический прогресс вместе с непредвиденными инновациями производит незапланированные практические цели. Рассуждение Шельски постольку представляет интерес для поставленных в начале моих рассуждений вопросов, поскольку он рассчитывает найти в реабилитации идеи образования эффективное средство, которое должно регламентировать протекающий как бы стихийно процесс применения научных разработок. Задача современного образования состоит в противодействии опасности «рассматривать связанные с текущей ситуацией внешние принуждения к действию как единственные возможности действия и тем самым подчиняться безличным законам адаптации»¹¹. Образование должно реализовывать вытекающую из специальных наук философию, которая исследует границы и предпосылки отдельных наук, чтобы «сохранять их открытыми вопреки присущему им сужению отношения к миру»¹². На формирование философии *в рамках и посредством* частных наук делал ставку ещё на рубеже XIX–XX вв. неокантианец Риль: он считал своим долгом – не без эйфории – обратить внимание своих современников на новый путь развития – на переход естественных наук к философии.¹³ Это та большая надежда, которую считали осуществимой и Ясперс в 1923 году в своей книге *Идея университета*, и Шельски в 1963-м в своих размышлениях об *Идее и структуре немецкого университета и его реформах*. Что для Фихте было искусством научного использования рассудка, владение которым определяет уровень образования учёного, то для Шельски – открытость отношений к миру, характерных для частных наук. Предпосылки этой открытости заключаются в образовании, которое учёный получает не посредством изучения философии, как это было у Фихте, а через рефлексивность частных наук, через обретение ими философского статуса, как говорит Шельски.

Шельски – а вместе с ним и Фихте – заблуждается, когда полагает, что образование способно преодолеть пропасть между научным исследованием и его практическим использованием. Хотя Фихте признавал, что образование для отдельного учёного означает, в конечном счёте, не что иное, как необходимость постоянно справляться с быстро растущим запасом знаний, он был подвержен иллюзии, будто искусство использования знания можно отождествить со способностью превращать предмет научного исследования «*в заводы*»¹⁴, т. е. самостоятельно искать и находить экономические эффекты, которые будут учитывать всеобщее благополучие и всемерно ему способствовать. Эту иллюзию Шельски разделяет с Фихте, не осознавая, что воплощение научных изобретений в экономических эффектах не является вопросом научного образования отдельных личностей.

Ю. Хабермас порывает с этой иллюзией, переводя проблематичное отношение между исследованием и его использованием в плоскость соотношения техники и демократии. Ошибочно полагать, что в «измерении научно-критической саморефлексии жизненно-мировые связи

процессов исследования можно было бы сделать прозрачными из них самих, и притом не только связи с процессами использования научной информации, но, прежде всего — связи с культурой в целом»¹⁵. То, что Гердер и Йонас находят, в конечном итоге, неразрешимым, а именно проблему, насколько наука содействует приросту человеческого счастья или несчастья, вновь актуализируется у Хабермаса, но теперь уже с другими акцентами: как «осмыслить естественное отношение между техническим прогрессом и социальным жизненным миром и поставить его под контроль рациональной дискуссии?»¹⁶.

В работе *Техника и наука как «идеология»* Хабермас решительно указывает на то, что проблему перевода технически применимого знания в практическое сознание необходимо рассматривать в качестве главной проблемы «базирующейся на науке цивилизации»¹⁷, которая поддаётся решению в той мере, в какой «мощь технического манипулирования способна ассимилироваться консенсусом действующих и договаривающихся граждан»¹⁸. На вопрос Руссо о вкладе наук в прогресс человечества Хабермас не ссылается — подобно Шельски — на особые законы научного прогресса, который наделяет их иммунитетом по отношению к практическим потребностям, связанным с достижением благополучия, на место которых заступают вновь созданные потребности. Хотя сведение наук к силе технической манипуляции стало для Хабермаса реальностью вследствие научно-политической практики, а математическое естествознание больше не рассматривается в качестве «потенции просвещённого действия»¹⁹, он всё же надеется, что благодаря учреждению демократических структур принятия решений возможно оказывать влияние на стратегии применения знаний с учётом интересов граждан, а не потребителей.

II.

Сегодня Хабермас едва ли может вспоминать свою былую надежду без скепсиса, поскольку перед лицом процессов глобализации, свидетелями которых мы являемся, нам следует задаться вопросом, каким образом демократически легитимированные органы интегрированы в процесс принятия решений, касающихся применения результатов научных исследований. Объективные исследования этого процесса сходятся в том, что глобализация «осуществляет интернационализацию рынков по ту сторону классического национального контроля»; происходит освобождение от политического регулирования в отсутствие «сбалансированных институтов глобальной политики и установленного порядка»²⁰; действующие во всемирном масштабе экономические сообщества превращаются в носителей власти, которые уклоняются от влияния национальных государств и при принятии решений едва ли ориентируются на государственные органы власти. Главная характеристика глобализации заключается в денационализации экономики, вследствие чего государство всё больше утрачивает статус субъекта решения в сфере экономики и финансовой политики. В результате, драматично и резко ограничивается простор действий

для национальной политики в сфере «поддержки достигнутых социальных стандартов»²¹. С этой тенденцией связан и другой процесс, который – не без тревоги – следует назвать процессом драматичной утраты значения демократическим формированием воли.²² Кто выносит решение о том, какие цели применения научно-технических возможностей несовместимы со всеобщим благом? Кто решает, что может считаться совместимым со всеобщим благом и, соответственно, способствующим ему?

Как известно, демократия основывается не на учреждении экономических структур для объединения в сеть финансовых и потребительских рынков, а на том, что решающие в политическом плане вопросы могут стать предметом обсуждения граждан, и решение этих вопросов будет носить рациональный характер; легитимированные гражданами органы принятия решений принципиально не будут избегать публичной критики.²³ Трудно сказать, насколько нечто подобное вообще достижимо в эпоху глобализации, если верен тезис о том, что национальным государствам, по-прежнему несущим ответственность за всеобщее благо своих граждан, противостоит наднациональное экономическое сообщество, на которое национальная государственная власть если и способна оказывать влияние, то лишь в минимальной степени. Перед лицом бесцельного политического прагматизма и рыночно-экономических приоритетов политики напрашивается неутешительный вывод: недостаток демократической легитимности ощущается не только в Европейском Союзе. Но до тех пор, пока демократия «по ту сторону национально-государственной интегративной сферы демократического формирования мнения и воли» не справится с вызовом «охваченных глобализацией обстоятельств»²⁴, решение проблемы рационального применения результатов научных исследований будет подчинено императивам экономики, за которыми демократические процессы принятия решений едва поспевают. В соответствии с тезисом о том, что «вторгающиеся в жизненный мир научные теории ... по сути не затрагивают контуров нашего повседневного знания...»²⁵, Хабермас не только возрождает подозрение Руссо, что научно-теоретическое познание и практически-моральное знание являются двумя совершенно различными сферами²⁶. Для новейших размышлений Хабермаса, в контексте которых и прозвучал этот тезис, характерно, по всей видимости, некоторое отрезвление в отношении вопроса, справляется ли с вызовами глобализированного мира модель обуздания протекающего, словно естественный, процесса применения научных исследований посредством демократических структур принятия решений, нормативный пример которых должен обернуться идеей коммуникативного сообщества автономных личностей.

Причиной этого отрезвления послужило новое измерение, которое приобрёл вопрос о целях применения научных теорий перед лицом недопустимости того, что становится возможным благодаря геной инженерии и биотехнологиям.

III.

Научные достижения становятся чем-то недопустимым, когда открытые благодаря им возможности не уменьшают человеческую уязвимость, а, напротив, увеличивают её. Подобная опасность существует тогда, когда естественнонаучные описания постепенно занимают место интуитивного самопонимания личностей, так что манипуляция человеком при помощи геной инженерии при восстановлении его естественной функциональной физической способности представляется маловероятной. Недопустимость этой возможности, согласно Хабермасу, объясняется тем, что тот, кто «*по собственному усмотрению* определяет другого человека в его естественном бытии, [должен был бы] нарушить и те самые свободы, которые существуют среди равных, чтобы обеспечить различия между ними»²⁷. Не отделимая от идеи самоинструментализации возможность «геноинженерной самооптимизации»²⁸, которая исчисляет человека по генам, едва ли может быть целью серьёзного научного исследования. Скорее, мы имеем дело с выражением возродившейся веры в нормативную силу возможного и воображаемого. Задача демократического формирования мнения и воли, которое ещё не вышло за пределы национального государства, состояла бы в том, чтобы таящиеся в научных открытиях возможности не превращались в риски и нечто недопустимое. То, насколько важно такое формирование воли, можно продемонстрировать на примере сомнительных экспериментов, которые, например, поводятся на человеке. Ибо отказ от такого эксперимента основывается не на принципах науки, а на принципах прав человека.²⁹

Надежда на то, что философия вырастет из естествознания, которую питали в своё время Риль, Ясперс, Шельски и Хабермас, оказывается обманчивой, когда естественные науки начинают стилизоваться под мировоззрение. Ещё Карл Ясперс настойчиво предостерегал от научного (суб)верия, под которым он понимал безумие ожидания от науки того, на что она не способна: дать окончательное знание, быть авторитетом во всех важных вопросах и помощником во всякой нужде. Эта вера сама имеет так же мало общего с наукой, как и пренебрежение ею, проистекающее из разочарования, возникающего вследствие осознания ограниченности власти учёных.³⁰ Хабермас диагностирует возрождение этой неоправданной веры в авторитет науки, подчёркивая, что «сциентистская вера в науку, которая однажды не только дополнит самопонимание личности, но и *заменит* его объективирующим самописанием ... является не наукой, а плохой философией»³¹. Замалчиваемая философия истории, которая обнаруживает себя в желании наконец объяснить все оставшиеся до сих пор без ответа таинственные «мировые вопросы» (Мартин Гейзенберг) при помощи новых открытий генетики и геной инженерии, основывается на спорном тезисе, согласно которому применение геной технологий позволит человеку рационально контролировать и управлять своей биологической природой, не сознавая, что эти науки и техники

могут использоваться не только на службе добра, но и зла.³² Сон о подконтрольности случайностей человеческого бытия слишком прекрасен, чтобы нас смогли разбудить неудавшиеся масштабные политические эксперименты прошлого столетия.

Примечания

- 1 Переработанный вариант доклада, прочитанного на международном конгрессе по биоэтике в 2002 году, в *Malin Losinj*.
- 2 Это тезис Чезаре Беккария; см.: Beccaria C. *Über Verbrechen und Strafen*. Aalen, 1990. S. 165.
- 3 Rousseau J.-J. *Abhandlung über den Ursprung und die Grundlagen der Ungleichheit unter den Menschen*. Leipzig, 1970. S. 46.
- 4 Herder J. G. *Ideen zur Philosophie der Geschichte* (1782–1791). Bd. II. Berlin, 1952. S. 231.
- 5 См. мою статью: Wischke M. *Was ist es wert zu wissen? Friedrich Nietzsches Wissenschaftskritik im Kontext des Problems der Konstitution von Werten // Filozofska Istrazivanja*. 4/83 (2001). S. 619–632.
- 6 Helmholtz H. *Über das Verhältnis der Naturwissenschaften zur Gesamtheit der Wissenschaften*. In: *Vorträge und Reden*. Braunschweig, 1896, Bd. I. S. 182.
- 7 Ibid. S. 372.
- 8 Jonas H. *Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik für die technologische Zivilisation*. Frankfurt/M., 1984. S. 294.
- 9 Ibid. S. 297.
- 10 Из этого Ханс Фрейер делает небесспорный вывод о том, что индустриальное общество наряду с товарами, которые оно производит, должно производить потребности; см.: *Über das Dominantwerden technischer Kategorien in der Lebenswelt der industriellen Gesellschaft*. In: *Herrschaft, Planung und Technik. Aufsätze zur politischen Soziologie*. Weinheim, 1987. S. 124.
- 11 Schelsky H. *Einsamkeit und Freiheit. Idee und Gestalt der deutschen Universität und ihrer Reformen*. Hamburg, 1963. S. 283.
- 12 Ibid. S. 290.
- 13 Riehl A. *Zur Einführung in die Philosophie der Gegenwart*. Leipzig, 1903. S. 248.
- 14 Fichte J. G. *Deduzierter Plan einer zu Berlin zu errichtenden höheren Lehranstalt*. In: *Fichtes Werke*. Bd. VII. Berlin, 1971. S. 100f.
- 15 Habermas J. *Eine Art Schadensabwicklung*. Frankfurt/M., 1987. S. 90.
- 16 Habermas J. *Technik und Wissenschaft als «Ideologie»*. Frankfurt/M., 1969. S. 107.
- 17 Ibid.
- 18 Ibid. S. 114.
- 19 Habermas J. *Theorie und Praxis. Sozialphilosophische Studien*. Frankfurt/M., 1988. S. 308.
- 20 Bubner R. *Polis und Staat. Grundlinien der Politischen Philosophie*. Frankfurt/M., 2002. S. 171.
- 21 Habermas J. *Kants Idee des ewigen Friedens – aus dem historischen Abstand von 200 Jahren*. In: *Die Einbeziehung des Anderen*. Frankfurt/M., 1996. S. 203.
- 22 В дальнейшем в своих размышлениях я буду опираться на проницательный анализ: Böckenförder E. W. *Staat, Nation, Europa. Studien zur Staatslehre, Verfassungstheorie und Rechtsphilosophie*. Frankfurt/M., 1999 (особенно с. 103–126).
- 23 Ibid. S. 251.
- 24 Kersting W. *Politik und Recht. Abhandlungen zur politischen Philosophie der Gegenwart und zur neuzeitlichen Rechtsphilosophie*. Weilerswist, 2000. S. 190.
- 25 Habermas J. *Glauben und Wissen*. Frankfurt/M., 2001. S. 15.

- ²⁶ Rousseau J.-J. *Abhandlung über den Ursprung...* S. 46; Rousseau J.-J. *Die gleiche Überlegung findet sich im Emil oder über die Erziehung*. Leipzig, 1910. S. 8.
- ²⁷ Habermas J. *Glauben und Wissen...* S. 31.
- ²⁸ Ibid. S. 9.
- ²⁹ Это заметил ещё в 1949 г. Карл Ясперс; см.: Jaspers K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte*. München, 1988. S. 120.
- ³⁰ Ibid. S. 124. Эту обратную сторону доверия – обращение в слепую веру – недооценивает Онора О’Нил, см.: O’Neill O. *Autonomy and Bioethics*. Cambridge UP, 2002.
- ³¹ Habermas J. *Glauben und Wissen...* S. 20.
- ³² Jaspers K. *Vom europäischen Geist*. München, 1947. S. 6.

Перевод с немецкого
Ю. Бедаш